

ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ КАК ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ НАУКЕ

Константин Ю. Замятин

Институт языкознания Российской академия наук,
Российская Федерация

В силу ряда исторических и структурных причин исследования языковой политики в России до сих пор полностью не выделились из социолингвистики и не стали предметом политической науки, как это изначально произошло при становлении междисциплинарного проекта исследований языковой политики в западной науке. Такое положение в исследованиях проявляется, например, в отсутствии в России соответствующих научных структур. В данной статье я сосредоточусь на анализе проблемы междисциплинарности в теориях языковой политики в мировой и российской науке, чтобы понять характер взаимодействия практики языковой политики и ее исследований в стране. Я утверждаю, что в текущей ситуации именно нерешенность проблемы междисциплинарности предопределяет ограниченность влияния российской прикладной науки на собственно практику языковой политики. Ограниченное влияние науки, в свою очередь, выражается в отсутствии институционализации языковой политики в качестве отдельного направления государственной политики и отдельной отрасли государственного управления. В условиях высокой неопределенности включение подходов публичной политики имеет решающее значение для успеха междисциплинарных исследовательских проектов по изучению языковой политики, поскольку они позволяют учитывать переменные, вытекающие из случайности и непредсказуемости политической жизни.

Ключевые слова: языковая политика, публичная политика, социолингвистика, политическая наука, политическая практика, российская наука, мировая наука, Российская Федерация

RESEARCH ON LANGUAGE POLICY AS PUBLIC POLICY IN RUSSIAN AND WORLD SCIENCE

Konstantin Yu. Zamyatin

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Due to a number of historical and structural reasons, research on language policy in Russia has not yet completely separated from sociolinguistics and has not become the subject of political science, as initially happened during the formation of an interdisciplinary project on language policy research in Western science. This situation in research is manifested, for example, in the absence of appropriate scientific structures in Russia. In this article I will focus on analysing the problem of interdisciplinarity in theories of language policy in world and Russian science in order to understand the nature of the interaction between research and practice of language policy in the country. I argue that in the current situation it is the unresolved problem of interdisciplinarity that predetermines the limited influence of Russian applied science on the actual practice of language policy. The limited influence of science, in turn, is expressed in the lack of institutionalization of language policy as a separate direction of state policy and a separate branch of public administration. In contexts of high uncertainty, the inclusion of

public policy studies is critical to the success of interdisciplinary research projects studying language policy, as they allow for the consideration of variables arising from the contingency and unpredictability of political life.

Keywords: *language policy, public policy, sociolinguistics, political science, political practice, Russian science, world science, Russian Federation*

1. Введение

Последние два года в Институте языкознания РАН я принимал участие в работе по составлению официальных документов, чтобы развить вновь закрепленное в 2020 г. конституционное положение о гарантии сохранения языкового многообразия в России¹, т.е. занимался не только прикладной наукой, но и практикой языковой политики. Данная статья возникла как побочный продукт этой работы и вызвана необходимостью теоретического осмысления некоторых из тех трудностей, с которыми я столкнулся, в результате чего мой фокус исследований сместился с изучения практической и научно-прикладной проблемы «что можно сделать» в сегодняшних условиях для сохранения языкового многообразия на исследование теоретической проблемы «почему в российских реалиях многого не получается сделать».

Статья написана по материалам моего выступления на Дискуссионно-аналитическом клубе по языковой политике Института языкознания РАН 13 июня 2023 г. Было интересно слушать многие другие выступления. Я выступал уже на 29-м заседании, поэтому в процессе подготовки просмотрел все названия предыдущих докладов и немного озадачился. Темы выступлений на клубе до сих пор были в лучшем случае о том, что по-английски называется politics. Конечно, все мы думаем, что знаем что-то о политике, в смысле politics. Но все же было неожиданно, что не было ни одного выступления теоретиков языковой политики. Не было ни одной темы, близкой к тому, что я привык, имея бэкграунд в западной академии, понимать под теориями языковой политики в смысле policy.

Употребление термина «теории» во множественном числе говорит о множественности исследовательских перспектив на феномен языковой политики, и поэтому я предпочитаю его более традиционному для западной академии названию проект «языковая политика и планирование». «Языковым планированием» в западной академии часто называют стадию реализации языковой политики, которому в советской и российской традиции соответствует «языковое строительство». С одной стороны, такое различие сразу дает некоторое представление о сложности явления, но, с другой стороны, реализация политики является только одной из нескольких стадий, что важно для изучения политического процесса.

---

¹ См. текст Конституции Российской Федерации с изменениями 2020 г.: <http://duma.gov.ru/news/48953/>.

На Дискуссионно-аналитическом клубе выступали практики языковой политики, такие как начальник управления Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН) Т.Г. Цыбиков и некоторые специалисты в области образования. При этом не было ни одного теоретического выступления с основного для изучения любой политики ракурса политической науки. Обнаружение этой лакуны в исследованиях языковой политики в России побудило меня задаться вопросом о причинах такого положения дел в российской академии. У меня возникла основная гипотеза, что недостаток теоретического осмысления напрямую отражается и на качестве прикладных исследований и на практической работе.

Мой анализ показывает, что проблемы в решении задачи сохранения языкового многообразия существуют на двух уровнях. Изначально моя гипотеза была в том, что проблемы возникнут в *практике* языковой политики на государственном уровне. Это отдельная большая тема, в рамках которой я, в частности, рассматриваю проблему согласования бюрократического и академического дискурсов по языковой политике в ходе разработки Концепции языковой политики России [Замятин, 2023б]. Но оказалось, что проблема существует уже на академическом уровне *исследований* языковой политики. На академическом уровне опять же два подуровня – теоретический и прикладной. В настоящей статье я рассмотрю, прежде всего, проблемы исследований на теоретическом уровне. Более подробно о проблемах исследований на прикладном уровне я напишу в отдельной статье, где расскажу о результатах анализа данных, полученных на основе метода включенного наблюдения за академической жизнью и собранных в результате моей работы в российской академии.

Данные для исследования получены мной как на основе анализа академического и политического дискурсов, так и дополнительно с помощью этнографических методов, прежде всего посредством включенного наблюдения за практиками формирования языковой политики и ее исследований. По поводу этической стороны нужно оговориться, что в данной статье я привожу только обобщенные суждения, не цитирую конкретных респондентов и не имею в виду конкретные политические институты или научные учреждения, если не называю их напрямую. В статье я оцениваю состояние дел с ее исследованиями, а не саму языковую политику в России, т.е. я не оцениваю здесь научную обоснованность целей языковой политики, в том числе сохранения языкового многообразия, а исхожу из их заданности и закрепления в законодательстве, но при этом неизбежно затрагиваю вопрос о нормативных основаниях политики.

Сам я не являюсь языковым активистом, но поднимаю в статье вопрос языкового активизма, в том числе активизма исследователей. Я не разделяю мнение некоторых представителей старшего поколения российских исследователей, которое мне приходилось

слышать, что ученым нельзя заниматься активизмом, а нужно только наблюдать. Такие ученые безнадежно отстали от мировой научной повестки по крайней мере на полвека и пропустили смену в научной парадигме от постпозитивизма к конструктивизму. Активизм в этнографическом исследовании языковой политики, конечно, возможен и даже необходим для исследовательского успеха, хотя, безусловно, должен быть этически и методологически корректным (см., напр.: [Scollon, Scollon, 2004]).

Данная статья написана в жанре социологии науки, а также частично социологии организаций и социологии образования. Во второй и третьей частях я очерчу эволюцию междисциплинарного проекта исследований языковой политики в мировой науке и картографирую состояние исследований по языковой политике в России. В четвертой и пятой частях я анализирую проблемы прикладной науки с институционализацией продвижения в теоретическом понимании в научно-прикладных структурах и политической практике. В целом, я утверждаю, что проблемы в научно-прикладной и практической деятельности вызваны отсутствием адекватной эпистемологической рамки для понимания онтологии языковой политики в России. Мой аргумент основан на анализе существующих российских исследований и сравнении с траекторией развития таких исследований в мировой науке. Анализ показывает, что, в то время как в России развиваются исследования языковой ревитализации, неразвитым остается целое направление исследований языковой политики как публичной политики.

2. Междисциплинарность в эволюции теорий языковой политики

На мой взгляд, главной теоретической проблемой является нерешенность вопроса о междисциплинарности в российских исследованиях языковой политики. Полвека назад исследования языковой политики и планирования на Западе развились из социолингвистики. Начало исследованиям языковой политики положили социолингвисты. Однако с тех пор этот проект стал междисциплинарным и прошел значительную эволюцию. Очень быстро от социолингвистов эта тематика перешла к функционерам-практикам политики, а от них к политологам [Gazzola et al., 2023].

Оксфордский хендбук по языковой политике [Tollefson, M. Pérez-Milans, 2018] приводит, на мой взгляд, лучшую периодизацию становления и эволюции этого междисциплинарного проекта из тех, что я встречал. Согласно их обзору, на первом этапе в 60-х годах прошлого века в контексте деколонизации «технократы»-функционеры стали практиковать политику еще не имея теории. Вскоре, уже полвека назад, такие теории возникли, и в первую очередь в результате работы Джошуа Фишмана, который относил свои исследования к социолингвистике и социологии языка, но писал на такие темы как разработка программ сохранения и развития

языков [Fishman, 1972]. Вскоре был написан основной корпус текстов, уже велись дискуссии о языках в политической науке (см., напр.: [Edelman, 1977; Shapiro, 1984, 1988]). На втором и третьем этапах в западной науке говорилось о критическом повороте и этнографическом повороте [Barakos, Unger, 2016; Hornberger et al., 2018; Johnson, 2013, 2018]. И вот сейчас, по сути, развитие вернулось к вопросу «агентности», о котором ученые раздумывают, является ли его постановка началом нового этапа [Liddicoat, Taylor-Leech, 2020]. Проблема с этой периодизацией с точки зрения междисциплинарности заключается в том, что она исходит в первую очередь из эпистемологии, а не онтологии. А с онтологией дела обстоят так, что по сей день не было достигнуто синтеза и оформления теорий языковой политики в отдельную дисциплину. Однако в мировой науке традиционное и на сегодня по-прежнему наиболее перспективное направление – это рассмотрение языковой политики в рамках политической науки с учетом центральной роли государства. При этом в центре междисциплинарного проекта все так же стоит исследование политики в рамках субдисциплины публичной политики (public policy studies). Хотя исследования можно делать и в рамках других субдисциплин политической науки, например политической компаративистики. В качестве иллюстрации я бы выделил ставшие уже классическими работы Уилла Кимлики и Алана Паттена [Kymlicka, Patten, 2003], Томаса Риченто [Ricento, 2006] или Зоннтаг и Кардинал [Sonntag, Cardinal, 2015].

Более того, скоро выйдет новый Ратледжский хендбук, с версткой которого редакторы любезно предоставили мне возможность познакомиться [Gazzola et al., 2024]. В нем собраны главы, написанные несколькими ведущими авторами (их сорок) в области языковой политики, многих из которых я лично встречал. Все они работают в этой концептуальной рамке публичной политики. Они пишут, что подход к языковой политике как публичной политике не нов и развивался с первых лет становления проекта, особенно в 1970-е годы, а потом с начала 2000-х годов [Grin, 2003; Gazolla, 2014]. Классической в этом подходе является модель политического цикла, которая восходит к теориям политического процесса как способу функционирования политической системы. По свидетельству авторов, проблемы начались в 1980-е годы с появлением «критического и этнографического подходов», которые, по их оценке, к сожалению, сейчас стали мейнстримом. По этой причине авторы почувствовали необходимость восстановить обоснованность подхода с помощью хендбука.

«Новизна этого хендбука заключается в том, что в нем используется подход публичной политики, предлагающий аналитический взгляд на различные этапы процесса, ведущего от политических дебатов, независимо от того, происходят ли они в таких учреждениях, как парламенты, или в неформальных дискуссиях в обществе в целом, до формулирования, принятия, имплементации и оценки языковой политики. Он также способствует восстановлению

и укреплению теоретических и методологических связей между ЯПП и исследованиями публичной политики, которые постепенно ослабели после «критического поворота» в ЯПП» ([Gazzola et al., 2024]; перевод мой. – К.З.; ЯПП – языковой политики и планирования).

Тут важно показать разницу между социолингвистикой и политическими исследованиями, граница между которыми, как отмечается в Ратледжском хендбуке, затирается. Социолингвистика изучает практики, политическая наука изучает политику. «Индивиды не определяют политику; они принимают решения, которые приводят к *практикам*, и эти практики находятся в центре внимания изучения социолингвистики». «Напротив, решения правительства, касающиеся языков, приводят к *политике*, и именно они являются объектом изучения подхода публичной политики к ЯПП». «Влияние на отношение и поведение людей обычно является *целью* или результатом публичной политики, но не является частью самой публичной политики» [Gazzola et al., 2024]. Например, семейная языковая политика – это только метафора, т.к. решения родителей приводят только к практикам в семье. При этом школьная политика – это публичная политика (но не всегда государственная политика: про специфику российского дискурса см. ниже).

В Ратледжском хендбуке используется классическая модель рассмотрения языковой политики как политического цикла от формирования политики к ее принятию, имплементации и оценке, которую использует, например, Франсуа Грэн [2003], один из авторов Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств. В первую очередь на этапе формирования политики речь идет о politics of language. Тут на его подстадиях идентификации проблем, их включения в политическую повестку и формулирования решений участвует больше субъектов политики. Поэтому, безусловно, принимаются во внимание их дискурсы, практики и идеологии, а значит, поднимаются социолингвистические вопросы. Например, на основе социолингвистических трендов можно предположить сценарии возможного развития. Но какой сценарий осуществится и почему – это уже политический вопрос. На остальных этапах политического цикла в фокусе оказываются именно политические вопросы. Например, кто будет принимать решения, какие это будут решения, какие они будут иметь последствия и т.п.

При этом я бы не согласился с установкой авторов Ратледжского хендбука, что модель политического цикла в подходе публичной политики подходит к практике языковой политики и ее исследованиям только в странах, живущих в условиях демократии, т.е. при наличии демократических институтов, верховенства права и определенного социального консенсуса по поводу стремления к достижению «общего блага» как критерия публичной политики. Другими словами, авторы хендбука настаивают на том, что модель политического цикла имеет не просто описательный, но и нормативный характер, особенно в части критериев оценки политики.

Действительно, практика языковой политики в условиях других политических режимов будет иметь свои особенности, прежде всего на стадии формирования политики. Ниже я скажу о некоторых таких особенностях в связи с нормативным вопросом оценки политики, но с оговорками все же вижу научный потенциал применения подхода публичной политики для анализа политического цикла в таких странах.

Например, мой опыт участия в подготовке и обсуждении официальных документов показывает продолжающееся взаимодействие властных органов с экспертным и научным сообществом (см.: [Замятин, 2023б]; см. ниже). Такое взаимодействие являет собой частный случай политического участия в выработке решений при взаимодействии государства и общества, характеризуемого в последние годы в России переходом от системы государственного корпоратизма к системе государственного контроля. Сам факт такого участия говорит о том, что даже при государственном контроле власть нуждается в обратной связи и сохраняет за некоторыми «институтами гражданского общества» определенную степень субъектности [Замятин, 2023а].

3. Исследования языковой политики в СССР и России

В России в силу ряда причин языковая политика до сих пор продолжает ошибочно считаться субдисциплиной социолингвистики или прикладной лингвистики. Во-первых, как я уже упомянул, исторически на Западе проблематикой изначально занимались социолингвисты, но вскоре она перешла к политологам. Но в СССР не было политической науки, а значит и соответствующей традиции исследований. Во-вторых, и на практике в СССР и постсоветской России языковая политика не выделялась отдельно, а рассматривалась только как часть национальной политики.

При этом отсутствие исследований языковой политики нельзя объяснить отсутствием самого феномена. Иногда приходится слышать тезис об отсутствии в СССР языковой политики, равно как и об отсутствии национальной политики. Но такое утверждение – это более образец политической риторики, чем научный тезис. Если такой тезис выдвигается юристом, то за ним по понятным причинам скрывается редукция политики к законодательному регулированию: если отсутствует соответствующая нормативно-правовая база, то нет и политики. В условиях отсутствия в СССР политологов ниша была отчасти занята юристами с их близкой по тематике дисциплиной теории государства и права.

Конечно, право и политика тесно взаимосвязаны, а соотношение политического и правового подхода является одним из центральных вопросов в выборе путей решения «национального вопроса» [Замятин, 2005]. При определении механизма политики как

практической деятельности принято различать правовой и политический подходы. При подходе, основанном на праве, права граждан выражают субъектностью граждан и других участников политического процесса и ограничивают государство в его претензии в качестве основного субъекта политики. При политическом подходе право лишь облекает политические решения в форму законов. В советской традиции политический подход преобладал, но большинство языковых вопросов решалось на уровне подзаконных актов. Чтобы подчеркнуть отличие формы закона от правового содержания, после распада СССР в российской юридической науке стало принято различать «закон» и «право». Языковые права граждан были признаны в конституции 1993 г., но политический подход продолжал доминировать через стремление приравнять языковую политику к законодательному регулированию.

Исследования языковой политики в рамках политической науки, в частности, как публичной политики позволяют не только отойти от сведения политики к закону, но и увидеть политику в риторике политических документов, таких как решения съездов КПСС, а в современных условиях в текстах стратегических документов. Помимо символической политики, т.е. политики на уровне дискурсов, проводилась и проводится материальная политика, предполагающая материальные изменения, в первую очередь через национально-языковую политику в образовании. Таким образом, несмотря на отсутствие нормативно-правовой базы, де-факто языковая политика в СССР, конечно, проводилась, но ее исследования были невозможны в рамках марксистского понимания политического.

Распад СССР застал врасплох как лингвистов, так и этнографов. Но этнографы трансформировались в этнологов, и появились этнополитологи. Первым исследованием, осмысляющим роль языков в контексте распада СССР, стала книга М.Н. Губогло [1998]. С тех времен развитие дисциплины продолжилось. Пишутся учебники по этнополитологии. В МГУ и СПбГУ открылись кафедры этнополитики. В то же время издержкой институционализации стала зависимость от власти и обслуживание ее запросов в изменившихся условиях. Сегодня не только этнополитологи, но и этнологи и антропологи продолжают исследовать вопросы языка и власти, а также опыт языковой политики как в России, так и за рубежом (см., напр.: [Филиппова, Соколовский, 2017]). Национальная и языковая политики в России относятся к вопросам гражданского мира и согласия, а значит, после поправок к Конституции 2020 г. стали рассматриваться в контексте национальной безопасности [Замятин, 2022]. Соответственно, научная повестка отражает этот новый фокус (см., напр.: [Соколовский, 2016]) и поворот «этнополитического маятника» в сторону все большего продвижению языка большинства. В отношении других языков символическим ответом на известный случай самосожжения ученого

и языкового активиста Альберта Разина в Удмуртии стало название книги, в которой проводится мысль, что «смерть языка» не означает «смерти народа» [Филиппова, Соколовский, 2020].

Среди работ по социолингвистике первым трудом, который затрагивает отдельные аспекты *language politics*, стала книга академика В.М. Алпатова [2000]. Ряд вопросов языковой политики, относящихся к некоторым общим вопросам языка и власти, а также к истории языковой политики, традиционно затрагивался в социолингвистической литературе [Беликов, Крысин, 2001; Вахтин, Головкин, 2004]. В последние годы можно наблюдать всплеск научного и практического интереса к вопросам языковой политики в России. Этот всплеск – прямое влияние международной научной повестки. Сегодня по указанным выше причинам отсутствия научной традиции и политической преемственности с советскими политическими институтами языковая политика в России до сих пор изучается преимущественно социолингвистами, а также отчасти юристами, в то время как за рубежом круг специалистов из разных научных дисциплин гораздо шире; при этом ведущую роль играют политологи.

Вышло много интересных публикаций, содержащих в своих названиях термин «языковая политика» и использующих опыт мировых исследований от прогностической перспективы «сверху» до этнографических исследований и языковой политики «снизу» (см., напр.: [Биткеева и др., 2016; Хилханова, 2020; Баранова, 2023]). Социолингвистические исследования в России, занимающиеся сегодня такими прогностическими вопросами, как возможные сценарии развития языковой ситуации и языковой политики в России, вырабатывают модели будущего языкового разнообразия, которые, как правило, основаны на современных социолингвистических тенденциях. Важную работу делают юристы, особенно в области образования (см., напр.: [Jankiewicz, Kniaginina, 2019]).

Однако авторы этих исследований не задаются вопросами политической науки, не дают ясности в понимании механизмов политики и не в состоянии ответить на центральные вопросы для политического анализа, такие как: «кто является субъектами политики», «как политический процесс приводит к определенным решениям» и «почему некоторые сценарии более вероятны». На такие вопросы могли бы ответить «лингвополитологи», но их в России по-прежнему мало. Встречаются отдельные статьи, посвященные частным вопросам языковой политики. Было бы интересно узнать долю тех статей, которые рассматривают их с точки зрения политической науки. Но и так понятно, что она небольшая. Только недавно я прочитал первую книгу, написанную на русском языке, собственно о языковой политике Н.М. Мухарямова и О.Б. Януш [2022], политологов из Казани, на которую я написал рецензию [Замятин, 2023a]. Есть также монография Н.В. Борисовой [2017], политолога из Перми, которая использует эту перспективу,

но на опыте других стран. Вот такая география – не Москва и Санкт-Петербург, а Казань и Пермь.

4. Концептуализация и практика языковой политики «сверху» и «снизу»

В постмодернистской картине мира политическая власть не просто спускается сверху вниз, а распространяется на все сферы общества, пронизывает саму его ткань на уровне дискурса. Естественно, что в России повторяют новые веяния мировой науки и изучают политику «снизу». Но при этом стоит помнить, что общества разные, и власть в них распределена неравномерно. В современной России, как и в Советском Союзе, государство в его разных ипостасях – это главный субъект политики, поэтому приходится учитывать государствоцентричность политики. Это не исключает возможность других исследований, таких как этнография языковой политики. Однако сегодня в России наиболее востребованы и актуальны исследования языковой политики именно как публичной политики, потому что такая политика в России продолжает официально формироваться как государственная языковая политика и в такой ее реалии остается недостаточно исследованной.

Политическая власть в сегодняшней России – это в первую очередь государственная власть, и политика – государственная политика. Для демонстрации этого тезиса возьмем примеры из официальных документов: текущую редакцию Стратегии государственной национальной политики² и двух проектов Концепции языковой политики. Согласно Стратегии, «государственная национальная политика Российской Федерации – система стратегических приоритетов и мер, реализуемых государственными органами и органами местного самоуправления, институтами гражданского общества и направленными на укрепление межнационального согласия, гражданского единства, обеспечение поддержки этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, недопущение дискриминации по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, а также на профилактику экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве». Таким образом, субъект государственной политики согласно Стратегии – это государство и его органы. В теории – субъекты публичной политики – это не только государство в его разных ипостасях, но и другие акторы. Как видим, тут происходит подмена за счет неправильного определения круга акторов. Определяется понятие «государственная политика»,

---

² Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666; Указ Президента Российской Федерации от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666».

но дается определение через круг акторов, включающий «институты гражданского общества» и присущий публичной политике.

Аналогичным образом сформулирован подход в проекте Концепции государственной языковой политики, подготовленной в Министерстве просвещения³. Согласно этому проекту, «государственная языковая политика Российской Федерации – система стратегических приоритетов и совокупность мер нормативно-правового, организационно-управленческого, финансово-экономического, научного, кадрового и иного характера, реализуемых федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления при участии институтов гражданского общества, направленных на обеспечение конституционных принципов, прав и свобод граждан в языковой сфере, формирование единого коммуникативного пространства, сохранение и развитие русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения и других языков народов Российской Федерации».

Научно-экспертное сообщество, по поручению Президента Российской Федерации, представило проект Концепции Институтов РАН, который по кругу субъектов политики допускает их множественность, т.е. исходит из понимания языковой политики как публичной политики⁴. «Языковая политика – система принципов, определяющих функционирование, развитие и планирование языков». «Субъекты языковой политики – общественные институты, организации, лица, которые формулируют, иницируют и проводят языковую политику». «Объекты языковой политики – языковые общности, носители языков, языки, языковые явления, языковые процессы, с которыми взаимодействуют или на которые оказывают влияние субъекты языковой политики». Вместе с тем этот проект разрабатывался вне стандартизированной процедуры подготовки стратегических документов, а поэтому чиновники критикуют его за излишнюю «академичность» и не готовы или даже не могут вписать во властный дискурс [Замятин, 2023б].

Для такой онтологии политики с центральной ролью государства должна быть соответствующая эпистемология, чтобы ее изучать (см.: [Хархордин, 2011, 2021]). Политическую, в частности публичную власть и «публичную политику», изучает политическая наука и ее одноименная субдисциплина «публичная политика» (см.: [Сморгунов, 2023; Соловьев, 2017]). Вместо концепта «публичная политика» в российской политической традиции принято использовать концепт «государственная политика», хотя в научном дискурсе различие

---

³ Проект Концепции государственной языковой политики Российской Федерации, подготовленный в Министерстве просвещения РФ, не публиковался.

⁴ Проект Концепции языковой политики Российской Федерации, подготовленный Институтами РАН, от 16 июля 2021 г. Доступно: https://iling-ran.ru/web/ru/jazyki_rossii/kjap

между ними проводится. Смежной сферой по реализации публичной политики, а также соответствующей академической субдисциплиной политической науки, является «публичное администрирование» (public administration), а в российском случае ожидаемо «государственное управление» (также «государственное и муниципальное управление»). Вместе с тем концепты «публичное право» и «государственное право» явно семантически расходятся и в российском дискурсе. Раньше можно было говорить о различающихся политико-правовых реалиях и «особенном пути России», но поправками к Конституции РФ 2020 г. было введено понятие «публичной власти», хотя приведенные выше определения политики в стратегических документах показывают, что на практике в отношении языковой политики государство рассматривается не просто в качестве главного, но по сути единственного субъекта политики (см.: [Замятин, 2023а]).

Конечно, феномен языковой политики не является только политическим и не ограничивается им. При множественности субъектов политики общественная деятельность, направленная на языки, может осуществляться «снизу вверх» и вне официальной сферы. Для исследования такой деятельности, в которой ключевое место отводится языковому активизму, развивается международное научное направление или даже целая исследовательская программа по так называемой «языковой ревитализации» [Pine, Turin, 2017]. Например, есть Оксфордский хендбук языков под угрозой исчезновения [Rehg, Campbell, 2018], Ратледжский хендбук по языковой ревитализации [Hinton, Huss, Roche, 2018], Палгрейвский хендбук языков и сообществ меньшинств [Hogan-Brun, O'Rourke, 2019], и таких много. Уже из приведенных выше официальных определений языковой политики видно, что «институты гражданского общества» в России встроены в «систему приоритетов и мер». Это также свидетельствует о том, что тип координации во взаимоотношениях государства и общественных организаций в последние годы сменился с системы государственного корпоратизма на систему государственного контроля.

Заявленные в Стратегии государственной национальной политики в редакции 2018 г. цели, приоритеты и задачи языковой политики России – сохранения и поддержки русского языка, языков народов России, сохранения языкового многообразия – могут и должны достигаться только при условии наличия соответствующей государственной политики. Это обстоятельство не исключает «политику снизу», но на практике самостоятельное проявление инициативы «снизу» не приветствуется (см.: [Yusupova, 2021]). Идеологически движимые лидеры и активисты составляют ядро общественных движений и обычно институализируют их в форме общественных организаций (ср. концепты «некоммерческие организации» – non-governmental organizations и «публичные ассоциации» – public associations), которые зависимы от властей и их языковой политики: если власти разрешают какие-то виды деятельности или

даже поощряют их, когда заказывают проекты и дают деньги на их реализацию, люди «снизу» активизируются, теряя при этом автономность. Другими словами, это не гражданский или политический активизмы в чистом виде, потому что они затруднены, а активизм как форма политического участия в системе государственного контроля. Часто люди участвуют в культурном и языковом активизме как замене политического активизма. При таком раскладе я согласен с тезисом Н.М. Мухарямова и О.Б. Януш [2022], что языковые вопросы решаются на уровне лидеров и «элит», а не на уровне активизма с его «любительскими формами».

Эффективность политики достигается за счет системности «приоритетов и мер», создания и функционирования публичных институций, которые реализовывали бы языковую политику как из центра, так и в регионах и на местах. Разовые мероприятия активистов скорее являются проявлениями символической политики, от которой один шаг до имитации политики. Если не будет правильной научно-практической рамки, то активизм в существующих формах не решит языковые проблемы. Проведение языковых фестивалей и рисование комиксов на языках – хорошо и, наверно, по-своему нужно для сохранения языкового многообразия, но это все вспомогательная и часто символическая деятельность, легитимирующая как форма «участия институтов гражданского общества» происходящие в результате проводимой политики институциональные сдвиги.

По указанным причинам прикладное значение имеют в сегодняшней политической ситуации в России, в первую очередь, исследования государственной политики, в то время как исследования по языковой ревитализации оказываются менее актуальны, потому что их результаты мало применяются на практике не только по политическим причинам, но и из-за недостатков научно-прикладных исследований, о чем скажу ниже. Мы больше узнаем, как в настоящее время делается языковая политика в России, в первую очередь изучая дискурсы и практики политиков и чиновников, и в меньшей степени лидеров и активистов общественных организаций.

5. Прикладные исследования и институционализация языковой политики

В то же время можно наблюдать такую динамику изменения политики, что, несмотря на официальный дискурс символической поддержки многообразия, реальные меры государственной поддержки направлены прежде всего на продвижение русского языка, а институциональная, т.е. материальная политика, приводит к ухудшению положения других языков народов России, особенно в сфере образования и, в перспективе, уменьшению многообразия. Например, в системе образования значение имеют не столько официальные языковые идеологии в текстах официальных документов, сколько идеологии одноязычия,

закладываемые в самую институциональную модель образовательной политики посредством многочисленных приказов и инструкций Министерства просвещения, которые ведут к дальнейшей унификации за счет уменьшения присутствия родных (нерусских) языков в образовании (см.: [Arutyunova, Zamyatin, 2021; Замятин, 2022]).

С такой динамикой, естественно, встает нормативный вопрос оценки языковой политики и критериев того, как она должна делаться, обсуждение которого, однако, на официальных площадках в современных условиях можно вести только очень ограниченно. ФАДН и другие властные структуры проводят ежегодные официальные форумы по языковой политике в России и сами определяют их повестку. В таких условиях научные площадки могут сыграть значительную роль в обсуждении языковых проблем при сохраняющейся в академической среде свободе дискуссии и плюрализме мнений, хотя эти преимущества не подразумевают автоматически стремления прийти к истине через понимание позиции оппонента и готовность к компромиссу – ключевые навыки в практике политики.

Научно-экспертное сообщество языковедов являет собой промежуточную группу между практиками политики и активистами. С одной стороны, ученые-эксперты могут решать научно-прикладные и экспертные задачи своим участием в консультировании властных органов и подготовке официальных документов, например упомянутого выше проекта Концепции языковой политики. С другой стороны, ученые-гуманитарии в современном мире не просто беспристрастные машины для наблюдения, измерения, анализа и извлечения «объективного знания», но и живые люди, способные увидеть и понять восприятие мира глазами другого человека. Лингвисты, работающие с социолингвистическими, социологическими или антропологическими темами, должны иметь подготовку по методологии этнографических исследований и рефлексировать по поводу своей роли исследователя в отношении к объекту исследования и необходимости соблюдать этические стандарты. Они выбрали эту сферу науки, потому что им нравятся языки и многоязычие и у них есть экспертное знание. Поэтому при соблюдении указанных условий, когда «политика сверху» приводит к ухудшению положения языков, лингвисты и социолингвисты могут поддерживать языковых активистов и даже сами выступать в их роли, о чем я упомянул во введении. В таком случае активизм исследователей мог бы иметь определенный смысл не только как научно-прикладная, но и как практическая деятельность.

Все же пока соотношение экспертной, исследовательской и активистской ролей в этой деятельности в России остается неотрефлексированным. Небезобидно стремление научного эксперта преувеличить уровень своей экспертизы и распространить его на смежные области, в которых он экспертом не является. Лингвисты компетентны заниматься планированием корпуса,

в том числе списком языков, чем прекрасно занимаются, например, в Институте языкознания РАН. Для планирования корпуса во многих странах созданы и существуют «языковые регуляторы» (language regulators, language boards), в роли которых обычно выступают академии, академические институты или специализированные консультативные структуры.

Для изучения антропологических, этнических, социальных и политических вопросов лингвистических компетенций недостаточно. Вернемся к вопросу о междисциплинарности теперь в прикладном ключе. М.Н. Губогло, в частности, писал о языковой политике в смысле politics, что она не собственно про языки, а про людей, сообщества и государства. Н.М. Мухарямов и О.Б. Януш, цитируя Томаса Риченто [2006] говорят, что «специфические грани языкового планирования – формулирование, имплементация, оценка – остаются недостаточно исследованными. Одна из причин «недостаточного внимания к механизмам языкового планирования», по мнению этого автора, состоит в том, что большинство социолингвистов и специалистов по прикладной лингвистике «либо имеют малую степень, либо не имеют никакой подготовки в области политической науки».

Например, максималистская позиция лингвистов, которую можно суммировать фразой «пусть цветут все цветы» и сохраняются все языки, безупречна морально, но мало пригодна как руководство к практике языковой политики. Политические решения всегда принимаются в условиях ограниченности ресурсов, что вынуждает делать трудный выбор, основанный как на нормативных основаниях, например на принципе языковой справедливости, так и на прагматике эффективности политики. Поэтому каждое решение должно быть аргументировано. Контрпродуктивность заведомо нереализуемой максималистской позиции состоит в том, что она запускает и фактически оправдывает символическую политику «фальсификации предпочтений» (preferences falsification), когда несмотря на высказываемую на уровне публичного дискурса и поэтому социально одобряемую и даже требуемую поддержку какой-то цели, например сохранения языкового многообразия, материальная политика на уровне практик реализует другие и подчас даже противоположные цели.

Междисциплинарный проект исследований языковой политики – прикладной. Проблема выбора исследовательской рамки в теоретических и прикладных исследованиях предопределяет успешность решений практических проблем в практике языковой политики. Поэтому в первую очередь фокус должен быть на исследование элит и институциональные проблемы – проблемы организации. В России сегодня на уровне практик осуществляется языковая политика. Политические решения по языковым вопросам практиками все равно принимаются. Однако недостаточность осмысления приводит к тому, что политика оказывается неэффективной, например, в части сохранения языкового многообразия. Неэффективность выражается не только

в провоцировании языковых конфликтов самой властью, как, например, конфликт вокруг отмены обязательного изучения государственных языков республик [Arytyunova, Zamyatin, 2021], но в дисбалансе уже на уровне постановки конкурирующих целей политики.

Политику делают другие практики политики, зачастую не учитывающие экспертное знание, которое, несмотря на малочисленность лингвополитологов, в общем-то, есть. Созданы аналитические центры. В этом поле существует даже конкуренция. В Институте русского языка им. А.С. Пушкина есть Центр языковой политики и международного образования. Отчасти вопросы языковой политики изучаются в Центре по исследованию межнациональных отношений в Институте этнологии и антропологии РАН, Центре этносоциальных исследований в Институте социологии РАН, еще есть Учебно-научный центр социальной антропологии РГГУ и Федеральный институт родных языков в Министерстве просвещения. Однако научно-прикладная деятельность этих центров направлена в основном на исследование проблем продвижения русского языка.

Поэтому было бы хорошо иметь специализированный центр по исследованиям языковой политики, в котором соблюдался бы целостный подход к поиску баланса в сохранении русского языка и сохранении и развитии других языков, который может оптимальным образом снимать конкуренцию через двуязычие и многоязычие. Пока такой структуры нет. Но чтобы она появилась, нужен определенный круг компетенций, например, чтобы писать официальные документы типа концепций или программ. Пока эта работа ведется только в активистских и любительских формах. ФАДНом и Министерством просвещения ее результаты потом выдаются в их отчетах за деятельность по сохранению и развитию языков. При этом одним из механизмов имитации деятельности является ведомственный фокус на «малые языки» и «малые дела».

В равной мере это касается языковой политики как практической деятельности: в существующей административно-управленческой иерархии в России бюрократическая инерция по-прежнему относит языковые вопросы к области национальной политики. Языковой менеджмент не выделен в самостоятельную отрасль государственного управления и как часть реализации национальной политики относится к ведению ФАДН. В то же время, Концепцию государственной языковой политики разрабатывает Министерство просвещения, в чем можно усмотреть заинтересованность последнего в том, чтобы отнести языковую политику к сфере образования. Для этого есть аргумент, что языковая политика в качестве материальной политики реализуется действительно в первую очередь в образовании. Однако в рамках публичной политики языковая политика – это отдельное направление государственной политики, для реализации которой в качестве самостоятельной отрасли государственного управления логично было бы создание специализированного исполнительного органа, аналогичного существующим

структурам во многих многонациональных и многоязычных странах, таких как Индия, Китай, Канада, ЮАР и других (см.: [Замятин, 2023б]).

6. Заключение

Итак, за термином «языковая политика» скрываются два вида деятельности: научная и практическая. В данной статье говорится, в первую очередь, об исследованиях языковой политики, т.е. научной деятельности. Теории языковой политики возникли как прикладной междисциплинарный проект, в котором выводы исследований применяются для решения практических проблем. Теории языковой политики, несмотря на свою более чем полувековую историю, до сих пор не синтезированы в мировой науке из междисциплинарного проекта в отдельную академическую дисциплину и по причине своего прикладного характера вряд ли будут синтезированы.

Прежде всего, в академическом смысле «языковая политика», несмотря на присутствие термина «языковая», – не направление или «субдисциплина» социолингвистики, как до сих пор принято считать в России. Отставание в развитии российских исследований языковой политики вызвано как отсутствием соответствующей традиции – в СССР не было политологии, – так и преемственностью в самой практике политики, в соответствии с которой собственно языковая политика не рассматривалась и до сих пор не рассматривается как отдельное направление государственной политики и отдельная отрасль государственного управления, а только как часть национальной политики и ее реализации.

В концепциях «национальная политика» и «языковая политика» родовое понятие – «политика». Научным изучением политики занимается политическая наука (политология). После распада СССР в этнологии шел схожий процесс становления и развития нового направления исследований. Сегодня национальную политику изучают в первую очередь этнополитологи в рамках этнополитологии как субдисциплины политической науки. Религиозная, миграционная, гендерная, культурная политика, образовательная политика и другие подобные политики идентичностей также изучаются политологией. Национальная, языковая, религиозная политики – все эти политики – это конкретные примеры «публичной политики», изучаемой в академической перспективе одноименной субдисциплиной политической науки.

Национальная, языковая, религиозная политики, языковая политика в образовании – это частные направления управления разнообразием. Экспертиза антропологов, этнологов, лингвистов, религиоведов добавляет характеризующее соответствующие отрасли содержание, но не может заменить работу политологов. В свою очередь, лингвополитология в России до сих

недостаточно развита, поэтому к участию в формировании политики властные структуры периодически привлекают как экспертов социолингвистов и даже лингвистов, которые обычно не имеют подготовки в области политической науки. Людей, сообщества и государства изучают гуманитарные и социальные науки. Необходимый минимум – это интерес к людям и, по крайней мере, социолингвистическая подготовка, а также владение этнографическими, социологическими и этнополитическими методами исследований.

Чтобы повлиять на политику, надо понимать, как она устроена. Прикладные знания и практические усилия лингвистов остаются невостребованными при неспособности сформулировать свое видение на языке политического дискурса. Низкий уровень экспертизы оказывается неспособным обеспечить запрос властных структур на научно-концептуальное обоснование политики, а значит эффективность проводимой политики. В свою очередь, политические решения, принимаемые практиками политики часто на основе текущей политической ситуации без квалифицированного научного обоснования, оказываются не просто неэффективными, но и реально и потенциально конфликтогенными.

Эпистемологически изучение языковой политики другими дисциплинами обосновывается постмодернистским пониманием политической власти, которое через акцент на роли идеологии позволяет увидеть, что люди сопротивляются традиционным концепциям власти, чтобы сохранить притязания на свою собственную идентичность. Конечно, и в России действуют и другие акторы со своей агентностью и резилентностью. Но при этом за абстрактным тезисом про множественность субъектов политики не стоит забывать, что агентность в обществах распределяется неравномерно. Анализ официального дискурса показывает, что языковая политика в России по-прежнему концептуализируется как «государствоцентричная». Конкретно в российском обществе власть по-прежнему в основном спускается «сверху вниз» как политические и управленческие решения в рамках государственной политики и государственного управления.

В такой ситуации по-прежнему актуальным остается вопрос о соотношении языковой политики и языкового права, а также о соотношении дескриптивного подхода, исследующего практики принятия политических решений, и нормативного подхода, прикладывающего формальные модели в поиске оптимальных и справедливых решений. В условиях, когда в дискуссиях о теории модернизации пока не найдено убедительных ответов на критику по поводу современных вызовов демократии, представляется разумной исследовательская стратегия, когда усилия ученых направлены в первую очередь на онтологическое изучение самих явлений, в то время как нормативные вопросы, такие как вопрос о языковой справедливости, остаются в повестке для обсуждения до лучших времен. На мой взгляд, особенности политической

ситуации в России в целом не препятствуют исследованиям языковой политики в России как публичной политики, моделированной в качестве политического цикла, а позволяют вывести политический режим как независимую переменную при обосновании оценки эффективности политики.

Таким образом, центральными онтологическими вопросами являются вопросы «что представляет из себя языковая политика?» и «кто делает языковую политику?» в России по-прежнему приходится наблюдать «государствоцентричную» политику, несмотря на то что она пока не институализирована и не выведена формально в качестве самостоятельного направления политики. Такому онтологическому пониманию нужна соответствующая эпистемология. Политику изучает политическая наука. При этом инструментарий дисциплины публичной политики не ограничивается исследованиями роли государства, но позволяет увидеть и понять также роль других субъектов. В этом контексте ключевую роль для понимания языковой политики России имеет ее изучение как публичной политики. Вероятно, что такое понимание так же найдет в скором времени свое воплощение через институализацию в академической среде.

Литература

- Аллатов В.М.* (2000) 150 языков и политика: 1917–2000 гг.: Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+ИВ РАН.
- Баранова В.В.* (2023) Языковая политика без политиков: Языковой активизм и миноритарные языки в России. М.: ВШЭ.
- Беликов В.И., Крысин Л.П.* (2001) Социолингвистика: Уч. для вузов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т.
- Биткеева А.Н. и др.* (ред.) (2016) Языковая политика в контексте современных языковых процессов. М.: Азбуковник.
- Борисова Н.В.* (2017) Когда языки в огне: Оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях. Москва: РОССПЭН.
- Вахтин Н.Б., Головкин Е.В.* (2004) Социолингвистика и социология языка. СПб.: Гуманитарная академия.
- Губогло М.Н.* (1998) Языки этнической мобилизации. М.: ИЭА РАН.
- Замятин К.Ю.* (2005) О возможностях сближения дискурсов политической философии и права до уровня общей политико-правовой дискуссии по «национальному вопросу» // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / Под ред. О.Ю. Малиновой и А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма. С. 259–265.
- Замятин К.Ю.* (2022) Языковая политика в России после поправок к Конституции 2020 года: Начало нового этапа? // Современная языковая политика в мире: Теория и практика / Отв. ред. М.Я. Каплунова, Чжао Жунхуэй. М.: ИМЛИ РАН. С. 104–115.
- Замятин К.Ю.* (2023а) К постановке проблемы изучения языковой политики как публичной политики: Размышления по поводу монографии Н.М. Мухарямова и О.Б. Януш «Языковое устройство российского общества: Факторы политической динамики» (Казань, 2022) // Вестник Пермского университета. Политология. Пермь. Т. 17. № 3. С. 75–84.

- Замятин К.Ю.* (2023б) Разработка Концепции государственной языковой политики: Проблемы согласования бюрократического и академического подходов // *Социоллингвистика*. № 4 (16). (рукопись).
- Мухарьямов Н.М., Януш О.Б.* (2022) Языковое устройство российского общества: Факторы политической динамики / Под ред. Г.Ф. Лутфуллиной. Казань: Отечество.
- Сморгунов Л.В.* (ред.) (2023) Государственная политика и управление: Концепции и проблемы: Уч. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт.
- Соколовский С.В.* (2016) Языковая политика как фактор национальной безопасности // *Этнографическое обозрение*. № 3. С. 46–56.
- Соловьев А.И.* (ред.) (2017) Государственная политика и управление: Уч. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс.
- Филиппова Е.И., Соколовский С.В.* (ред.) (2017) Языковая политика, конфликты и согласие. М.: ИЭА РАН.
- Филиппова Е.И., Соколовский С.В.* (ред.) (2020) Смерть языка – смерть народа?: Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах. М.: ИЭА РАН.
- Хархордин О.В.* (2011) Основные понятия российской политики. М.: Новое лит. обозрение.
- Хархордин О.В.* (2021) Республика: Полная версия. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Хилханова Э.В.* (2020) Люди в языковой политике: Теория и практика дискурсивного поворота в социоллингвистике:(На примере России и Западной Европы) // *Acta Linguistica Petropolitana*. Т. 16. № 3. С. 756–815.
- Arutyunova, E., Zamyatin, K.* (2021) An Ethnolinguistic Conflict on the Compulsory Learning of the State Languages in the Republics of Russia: Policies and Discourses // *International Journal of Human Rights*. Vol. 25 (5). Pp. 832–852.
- Barakos, E., Unger, J.* (2016) *Discursive Approaches to Language Policy*. L.: Palgrave Macmillan.
- Edelman, M.* (1977) *Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail*. N. Y.: Academic Press.
- Fishman, J.* (1972) *The Sociology of Language: An Interdisciplinary Social Science Approach to Language in Society*. Rowley; Mass.: Newbury House.
- Jankiewicz, S., Kniaginina, N.* (2019) Language Conflicts in Russia's Education System // *European Yearbook of Minority Issues Online*. Vol. 16 (1). Pp. 188–210.
- Johnson, D.* (2013) *Language Policy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Johnson, D.* (2018) Research Methods in Language Policy and Planning // *Oxford Handbook of Language Policy and Planning* // J. Tollefson and M. Pérez-Milans (eds.). Oxford: Oxford University Press. Pp. 51–70.
- Gazzola, M.* (2014) *The Evaluation of Language Regimes: Theory and Application to Multilingual Patent Organisations*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
- Gazzola, M., Gobbo, F., Johnson, D.C., Leoni de León, J.A.* (2023) *Epistemological and Theoretical Foundations in Language Policy and Planning*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Gazzola, M., Grin, F., Cardinal, L., Heugh, K.* (eds.) (2024) *The Routledge Handbook of Language Policy and Planning*. Abingdon: Routledge, manuscript.
- Grin, F.* (2003) *Language Policy Evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages*. N. Y.: Palgrave Macmillan.
- Hinton, L., Huss, L., Roche, G.* (eds.) (2018) *The Routledge Handbook of Language Revitalization*. N.Y.: Routledge.
- Hogan-Brun, G., O'Rourke, B.* (eds.) (2019) *The Palgrave Handbook of Minority Languages and Communities*. L.: Palgrave Macmillan.
- Hornberger, N. H., Anzures, A., Hanks, D. H., Kviatok, F., Lee, S.* (2018) Ethnography of language planning and policy // *ERRATUM. Language Teaching*. Vol. 51 (03). Pp. 436–437.
- Kymlicka, W., Patten, A.* (eds.) (2003) *Language Rights and Political Theory*. Oxford: Oxford University Press.

- Liddicoat, A., Taylor-Leech, K.* (2020) Agency in Language Policy and Planning // Current Issues in Language Planning. Vol. 22 (1–2). Pp. 1–18.
- Pine, A., Turin, M.* (2017) Language Revitalization // Oxford Research Encyclopaedia of Linguistics / M. Aronoff (ed.). Oxford: Oxford University Press. Pp. 51–70.
- Pérez-Milans, M., Tollefson, J.W.* (2018) Language Policy and Planning: Directions for Future Research / J. Tollefson and M. Pérez-Milans (eds.) // Oxford Handbook of Language Policy and Planning. Oxford: Oxford University Press. Pp. 727–742.
- Rehg, K., Campbell, L.* (eds.) (2018) The Oxford Handbook of Endangered Languages. Oxford: Oxford University Press.
- Ricento, T.* (ed.) (2006) An Introduction to Language Policy: Theory and Method. Oxford: Blackwell Publishing.
- Scollon, R., Scollon, S.W.* (2004) Nexus Analysis: Discourse and the Emerging Internet. L.: Routledge.
- Shapiro, M.* (ed.) (1984) Language and Politics. N. Y.: New York University Press.
- Shapiro, M.* (1988) The Politics of Representation: Writing Practices in Biography, Photography, and Policy Analysis. Madison: The University of Wisconsin Press.
- Sonntag, S., Cardinal, L.* (eds.) (2015) State Traditions and Language Regimes. Montreal: Kingston: McGill Queen's University Press.
- Yusupova, G.* (2022) How Does the Politics of Fear in Russia Work? The Case of Social Mobilisation in Support of Minority Languages // Europe-Asia Studies. Vol. 74 (4). Pp. 620–641.

References

- Alpatov, V.M.* (2000) 150 yazykov i politika: 1917–2000: Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetского prostranstva [150 Languages and Politics: 1917–2000: Sociolinguistic Problems of the USSR and the Post-Soviet Space]. M.: RAS Institute for Oriental Studies. (In Russ.)
- Baranova, V.V.* (2023) Yazykovaia politika bez politikov: Yazykovoi aktivizm i minoritarnye yazyki v Rossii [Language Policy Without Politicians: Language Activism and Minority Languages in Russia]. M.: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)
- Belikov, V.I., Krysin, L.P.* (2001) Sotsiolingvistika: Uch. dlya vuzov [Sociolinguistics: Textbook for Higher Education Institutions]. M.: Russian State University for the Humanities. (In Russ.)
- Bitkeeva, Aysa et al.* (eds.) (2016). Yazykovaya politika v kontekste sovremennykh yazykovykh processov [Language Policy in the Context of Contemporary Linguistic Processes]. M.: Azbukovnik. (In Russ.)
- Borisova, N.V.* (2017) Kogda yazyki v ogne: Osparivanie yazykovykh rezhimov kak vyzov balansu v mezhehtnicheskikh otnosheniyakh [When Tongues Are on Fire: Contesting Language Regimes as a Challenge to Balance in Interethnic Relations]. M.: ROSSPEN. (In Russ.)
- Vakhtin, N.B., Golovko, Ye.B.* (2004) Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka [Sociolinguistics and sociology of language]. SPb.: Publishing Center "Humanitarian Academy". (In Russ.)
- Guboglo, M.N.* (1998) Languages of Ethnic Mobilization [Yazyki etnicheskoy mobilizatsii]. M.: RAS Institute of Ethnology and Anthropology. (In Russ.)
- Zamyatin, K.Yu.* (2005) O vozmozhnostyakh sblizheniya diskursov politicheskoy filosofii i prava do urovnya obshhej politiko-pravovoy diskussii po «natsional'nomu voprosu» [On the possibilities of bringing together the discourses of political philosophy and law to the level of a general political and legal discussion on the “national question”]. Prava cheloveka i problemy identichnosti v Rossii i v sovremennom mire. Eds. O.Yu. Malinovoj and A.Yu. Sungurova. SPb.: Norma. Pp. 259–265. (In Russ.)
- Zamyatin, K.Yu.* (2022) Yazykovaya politika v Rossii posle popravok k Konstitutsii 2020 goda: Nachalo novogo ehtapa? [Language policy in Russia after amendments to the Constitution of 2020: the beginning of a new stage?]. Sovremennaya yazykovaya politika v mire: Teoriya i praktika. Eds. M.Ya. Kaplunova, Zhao Ronghuy. M.: RAS Institute of World Literatures. Pp. 104–115. (In Russ.)

- Zamyatin, K.Yu.* (2023a) К постановке проблемы изучения языковой политики как публичной политики: Размышления по поводу монографии N.M. Mukharyamova i O.B. Yanush «Языковое устройство российского общества: Факторы политической динамики» (Kazan. 2022) [For Statement of The Problem of Studying Language Policy as a Public Policy: Reflections on the Monograph of N. M. Mukharyamov and O. B. Yanush "Language Device of The Russian Society: Factors of Political Dynamics" (Kazan. 2022)]. Bulletin of the Perm University. Political Science. Perm'. Vol. 17. No. 3. Pp. 75–84. (In Russ.)
- Zamyatin, K.Yu.* (2023b) Razrabotka Kontseptsii gosudarstvennoj yazykovoj politiki: Problemy soglasovaniya byurokraticheskogo i akademicheskogo podkhodov [Development of the Concept of State Language Policy: Problems of Coordination of Bureaucratic and Academic Approaches]. Sociolinguistics. Vol. No. 4 (16) manuscript. (In Russ.)
- Mukharyamov, N.M. and Yanush, O.B.* (2022) Yazykovoe ustroystvo rossiyskogo obshchestva: faktory politicheskoy dinamiki [Language Device of the Russian Society: Factors of Political Dynamics]. Ed. G. Lotfullina. Kazan: Otechestvo. (In Russ.)
- Smorgunov, L.V.* (ed.) (2023) Gosudarstvennaya politika i upravlenie: Kontseptsii i problemy: Uch. posobie dlya vuzov. 2-e izd., ispr. i dop. [Public Policy and Management: Concepts and Problems: Study Guide. Second edition, revised and expanded]. M.: Yulright Press. (In Russ.)
- Sokolovskiy, S.V.* (2016) Yazykovaya politika kak faktor natsional'noy bezopasnosti [Language policy as a factor of national security]. Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. No. 3. Pp. 46–56. (In Russ.)
- Solovyov, A.I.* (ed.) (2017) Gosudarstvennaya politika i upravlenie: Uch. posobie dlya vuzov [Public Policy and Management: Study Guide]. M.: Aspekt Press. (In Russ.)
- Filippova, E.I., Sokolovskiy, S.V.* (eds.) (2017) Yazykovaya politika, konflikty i soglasie [Language policy, Conflicts and Concord]. M.: RAS Institute of Ethnology and Anthropology. (In Russ.)
- Filippova, E.I., Sokolovskiy, S.V.* (eds.) (2020) Smert' yazyka – smert' naroda?: Yazykovye situatsii i yazykovye prava v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh [The death of a language is the death of a people?: Language situations and language rights in Russia and neighboring countries]. M.: RAS Institute of Ethnology and Anthropology. (In Russ.)
- Kharkhordin, O.V.* (2011) Osnovnye ponyatiya rossiyskoy politiki [Basic concepts of Russian politics]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer]. (In Russ.)
- Kharkhordin, O.V.* (2021) Respublika: Polnaya versiya [Republic. Full version]. SPb.: European University in St. Petersburg Publishing House. (In Russ.)
- Khilkhanova, E.V.* (2020) Lyudi v yazykovoj politike: Teoriya i praktika diskursivnogo povorota v sotsiolingvistike: (Na primere Rossii i Zapadnoy Evropy) [People in language policy: Theory and practice of the discursive turn in sociolinguistics: (On the example of Russia and Western Europe)]. Acta Linguistica Petropolitana. Vol. 16. No. 3. Pp. 756–815. (In Russ.)
- Arutyunova, E., Zamyatin, K.* (2021) An Ethnolinguistic Conflict on the Compulsory Learning of the State Languages in the Republics of Russia: Policies and Discourses. International Journal of Human Rights. Vol. 25 (5). Pp. 832–852.
- Barakos, E., Unger, J.* (2016) Discursive Approaches to Language Policy. L.: Palgrave Macmillan.
- Edelman, M.* (1977) Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail. N. Y.: Academic Press.
- Fishman, J.* (1972) The Sociology of Language: An Interdisciplinary Social Science Approach to Language in Society. Rowley; Mass.: Newbury House.
- Jankiewicz, S., Kniaginina, N.* (2019) Language Conflicts in Russia's Education System. European Yearbook of Minority Issues Online. Vol. 16 (1): 188–210.
- Johnson, D.* (2013) Language Policy. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Johnson, D.* (2018) Research Methods in Language Policy and Planning. J. Tollefson and M. Pérez-Milans (eds.). Oxford Handbook of Language Policy and Planning. Oxford: Oxford University Press: 51–70.

- Gazzola, M.* (2014) *The Evaluation of Language Regimes: Theory and Application to Multilingual Patent Organisations*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
- Gazzola, M., Gobbo, F., Johnson, D.C., Leoni de León, J.A.* (2023) *Epistemological and Theoretical Foundations in Language Policy and Planning*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Gazzola, M., Grin, F., Cardinal, L., Heugh, K.* (eds.) (2024) *The Routledge Handbook of Language Policy and Planning*. Abingdon: Routledge, manuscript.
- Grin, F.* (2003) *Language Policy Evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages*. N. Y.: Palgrave Macmillan.
- Hinton, L., Huss, L, Roche, G.* (eds.) (2018) *The Routledge Handbook of Language Revitalization*. N.Y.: Routledge.
- Hogan-Brun, G., O'Rourke, B.* (eds.) (2019) *The Palgrave Handbook of Minority Languages and Communities*. L.: Palgrave Macmillan.
- Hornberger, N.H., Anzures, A., Hanks, D.H., Kvietok, F., Lee, S.* (2018) *Ethnography of language planning and policy*. ERRATUM. *Language Teaching*. Vol. 51 (03). Pp. 436–437.
- Kymlicka, W., Patten, A.* (eds.) (2003) *Language Rights and Political Theory*. Oxford: Oxford University Press.
- Liddicoat, A., Taylor-Leech, K.* (2020) *Agency in Language Policy and Planning*. *Current Issues in Language Planning*. Vol. 22 (1–2). Pp. 1-18.
- Pine, A., Turin, M.* (2017) *Language Revitalization*. M. Aronoff (ed.). *Oxford Research Encyclopaedia of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press. Pp. 51–70.
- Pérez-Milans, M., Tollefson, J.W.* (2018) *Language Policy and Planning: Directions for Future Research*. J. Tollefson and M. Pérez-Milans (eds.). *Oxford Handbook of Language Policy and Planning*. Oxford: Oxford University Press. Pp. 727–742.
- Rehg, K., Campbell, L.* (eds.) (2018) *The Oxford Handbook of Endangered Languages*. Oxford: Oxford University Press.
- Ricento, T.* (ed.) (2006) *An Introduction to Language Policy: Theory and Method*. Oxford: Blackwell Publishing.
- Scollon, R., Scollon, S.W.* (2004) *Nexus Analysis: Discourse and the Emerging Internet*. L.: Routledge.
- Shapiro, M.* (ed.) (1984) *Language and Politics*. N. Y.: New York University Press.
- Shapiro, M.* (1988) *The Politics of Representation: Writing Practices in Biography: Photography, and Policy Analysis*. Madison: The University of Wisconsin Press.
- Sonntag, S., Cardinal, L.* (eds.) (2015) *State Traditions and Language Regimes*. Montreal: Kingston: McGill Queen's University Press.
- Yusupova, G.* (2022) *How Does the Politics of Fear in Russia Work?: The Case of Social Mobilisation in Support of Minority Languages*. *Europe-Asia Studies*. Vol. 74 (4). Pp. 620–641.

Замятин Константин Юрьевич – PhD, доцент, старший научный сотрудник Института языкознания РАН, Россия.

Адрес: 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1.

Эл. адрес: k.zamyatin@iling-ran.ru

Zamyatin Konstantin Yurievich – PhD, associate professor, senior researcher at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Address: 125009, Moscow, Bolshoi Kislovsky lane, 1, building 1.

Email address: k.zamyatin@iling-ran.ru

Для цитирования: *Замятин К.Ю.* Исследования языковой политики как публичной политики в российской и мировой науке // Социолингвистика. 2023. № 3 (15). С. 29–52. DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-29-52

For citation: *Zamyatin, K.Yu.* Research on language policy as public policy in Russian and world science // Sociolinguistics. 2023. No. 3 (15). Pp. 29–52. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-29-52

The article was submitted 25.10.2023;
approved after reviewing 22.11.2023;
accepted for publication 01.12.2023